

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

П.А. Ореховский

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, профессор Финансового университета при Правительстве РФ

КОНЦЕПТЫ «УНИВЕРСИТЕТА» В РАЗЛИЧНЫХ ДИСКУРСАХ И РОССИЙСКАЯ РЕФОРМА ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В работе рассматривается смысловая эволюция концептов университета, науки, образования в классическую эпоху, периоды модерна и постмодерна. В классическую эпоху университет представлял собой место хранения, получения и трансляции истины, в период модерна – фабрику по производству человеческого капитала, в условиях постмодерна – организацию по предоставлению образовательных услуг. Изменение дискурса существенно влияет на отношение ученых к коллегам, научной и образовательной деятельности. Увеличение количества публикаций свидетельствует о росте научной продукции, что однако слабо связано с получением нового знания (модерн) или стремлением к истине (классическая эпоха), это всего лишь показатель производительности научного работника.

Российская реформа образования следует общей логике постмодерна и формирования рынка образовательных услуг. Удельный вес людей с высшим образованием в постсоветскую эпоху сильно вырос и уже превышает аналогичный показатель США. Но это не связано с производительностью человеческого капитала, а лишь отражает степень удовлетворения потребителей образовательных услуг от повышения своего социального статуса.

Реформы организации науки, высшей и средней школы используют модернистский концепт «эффективности». Однако подготовка специалистов, соответствующих запросам общества, исходит из неявной предпосылки, что они известны и что в отношении целей общества существует определенный консенсус. Также и в отношении ученых – в условиях отсутствия отечественного патронажа ориентация на «мировую науку» способствует только глобальной академической мобильности. Символический капитал, который ранее был присущ ученым и университетским профессорам, переходит к экспертам, обладающим необходимым паблисити.

Ключевые слова: дискурсивный анализ, образование, человеческий капитал, университет.

Классификация JEL: A20, I20, I23, J24.

Вместо введения

Арьо Кламер выделяет три больших стиля, в рамках которых создаются произведения культуры и науки: классический, модерн и постмодерн. Реакцией на постмодерн является также неоклассицизм, который при желании можно выделить в четвертый стиль (или в подвид классицизма, по вкусу). Он характеризует их следующим образом:

«Классицизм проявляется в форме классического изобразительного искусства, классической музыки, классической архитектуры и классической экономической теории. Он отражает поиск абсолютных: абсолютной истины, абсолютной красоты, абсолютного права. Он подразумевает уважение к авторитетам и традициям...

Модернизм – господствующая форма научного и художественного выражения в XX в. Его характеристиками являются озабоченность проблемой поиска выразительных средств, предрасположенность к абстрактному и формальному выражению неизменного,

вера в правдивое изображение и один научный метод (положительная наука), метанарратив прогресса, либерализации и эмансипации, гуманистические ценности...

Постмодернизм – это модернизм без своего метанарратива, модернизм и поздний модернизм без их строгости и абстракции. Его ключевыми понятиями являются плюрализм, фрагментация, деконструкция, стилизация, коллаж, моделирование и симулякр.

Неотрадиционализм (или неоклассицизм, или современный аристотелизм) – это возвращение классических моментов, таких как интерес и уважение к традициям, но теперь с признанием их постоянных изменений. Это историческая перспектива, переоценка ценностей и достоинств, возрождение понятия нравственной и культурной экономики, акцент на составляющих добродетельной жизни и правильного общества» (Кламер, 2015. С. 226–227).

Указанные стили задают дискурсы, определяют границы обсуждения (и изменения) концептов. Их можно также рассматривать как некие формы коллективной когнитивности, определяющие и историческую ментальность. Применительно к прошлому опыту, как показывает А. Гуревич, ссылаясь на Л. Февра, их игнорирование может привести к искусственным конструкциям вроде «Диогена с зонтиком или Марса с пулеметом» (Гуревич, 2014. С. 71).

Целью данной работы является характеристика концептов образования и науки в разные эпохи, которые непосредственно связаны с указанными выше «большими стилями». Сравнение этих концептов позволяет, на наш взгляд, выделить суть происходящих ныне реформ образования и науки в России, продемонстрировав их взаимосвязи с общим пониманием механизма функционирования постмодернистского общества. При этом сюжет «кризиса университетов» не нов. В связи с переходом от классической эпохи к модерну и от религии к сциентизму университеты уже переживали существенную трансформацию. Как указывает Р. Коллинз: «В 1700-х университет <как институт в целом> был близок к упразднению. Идеологически хорошим тоном, особенно среди сознательных прогрессивных интеллектуалов, считалось расценивать университеты как устаревшие и интеллектуально ретроградные... В 1700 г. Лейбниц предложил заменить университеты подчиненными правительству профессиональными школами, с академиями, заботящимися о сохранении и развитии науки и высокой культуры...

Упразднение университета не означало отмены образования. Какой же смысл, да и был ли он вообще, в сохранении организации, главной отличительной чертой которой было ее традиционное подчинение церковному контролю?...

В Германии растущее чувство кризиса в конце 1700-х гг. было связано с проблемой карьеры университетских выпускников. Церковь, лишенная своей собственности в период Реформации, уже не считалась местом для заманчивой карьеры. У священников были низкий статус и скромное жалованье, они служили в качестве третьестепенных государственных чиновников, отвечая за ведение записей на местах и читая указы с церковной кафедры... Верхушка среднего класса, сыновья городских аристократов, богатых торговцев и гражданских чиновников изучали право, которое было гораздо более дорогим курсом. Хотя доля благородного сословия на юридических факультетах была достаточно небольшой, студенты-юристы усвоили воинственный рыцарский стиль поведения, с попойками и братством, связанным с дуэльными приключениями, что оскорбляло как моралистов, так и сторонников новых веяний в социальном окружении университетов» (Коллинз, 2002. С. 830–831).

Параллели с сегодняшним днем, на наш взгляд, очевидны, если на место «церкви» поставить «науку» (в нашем случае – в форме Российской академии наук), а на место религии – сциентизм. Оформление последнего в подобие религиозного культа также не является чем-то особенным. Скажем, в свое время Д. Фурман показал, как марксизм приобрел все атрибуты светской религии (Фурман, 2011. С. 262–297). При этом сложившейся ситуацией

недовольны все – ученые, потерявшие свой социальный статус, научные администраторы и политики, указывающие на низкую эффективность отечественной научной деятельности по сравнению с «мировым уровнем», родители, желающие, чтобы их дети получили «нужные компетенции» и попали после окончания вуза на рабочее место с высоким доходом. Но постмодерн не предполагает выхода из сложившейся ситуации, а идущие реформы образования и науки не имеют никакого отношения к «эффективности» образования и НИОКР – концептам, которые имели определенный смысл в рамках модерна. Требовать от университетов, чтобы они готовили «специалистов, нужных обществу», имело смысл только тогда, когда в этом «обществе» был хоть какой-то консенсус в отношении своих целей.

1. Эволюция концепта университета

Университет в классическую эпоху – место производства, сохранения и трансляции знания. При этом знание было ничем иным, как только «знанием Истины», а Истина была равносильна Богу. Для европейских университетов, появившихся в средневековье, главной наукой было богословие, да и сами их уставы во многом совпадали с уставами монашеских орденов. Университет в классическую эпоху предполагал единство религии, науки и образования: все они служили истине.

В это время вырабатываются основные научные ритуалы, обеспечивающие «получение знания», – каноны логических и экспериментальных процедур: подготовка и защита диссертаций, признание высказывания истинным или ложным, публичность, голосование (конвенциональность истины), а также основные формы трансляции знания: лекция, семинар, коллоквиум, экзамен. Все эти формы продолжают существовать и далее – в эпохах модерна и постмодерна.

Социологический смысл ритуала – отделение своих от чужих, введение признаков социального различия. Человек, не знающий ритуалов, – неуч, чужак, шарлатан. Присвоение ученой степени – признание за индивидом права на оспаривание, такой человек теперь может принимать участие в диспутах, защитах и голосованиях, другими словами – в процессах получения нового знания. Присвоение ученого звания – признание за индивидом права на трансляцию знания, на то, что он имеет право учить других, признание его символической власти над учениками.

Университет в классическую эпоху – сравнительно закрытая организация. С одной стороны, служение Истине – само по себе занятие для избранных, с другой – ни европейский феодализм, ни общественные устройства, относящиеся к понятию «азиатского способа производства», не требовали особого распространения грамотности. Удельный вес выпускников университетов в соответствующей возрастной когорте был ничтожно мал. Многие учились у одних и тех же профессоров. Все это позволяло сохранять единство корпоративной этики.

Ситуация начинает радикально меняться с наступлением модерна. Капитализм требует всеобщей грамотности и навыков счета, кроме того, необходимо и расширенное воспроизводство технических навыков и инженерных знаний. Появляются политехнические школы, которые никак не связаны с монастырями, да и сами университеты модернизируются: теология, философия постепенно уступают место точным наукам и медицине. Религия теряет свое прежнее значение и во многом превращается в часть философии, знание, которое рассматривалось ранее только как «знание Истины», разделяется на прикладное, инструментальное и фундаментальное, теоретическое. Теоретическое знание по-прежнему дано немногим – истину можно только «познать», открытие, как и раньше, приравнивается откровению, часто «дается свыше». Но прикладное знание, знание техники (*техно – логики*) может получить и освоить каждый.

Тем не менее положение университетов как места хранения, производства и передачи знания не только сохраняется, но и упрочивается. Политехнические школы и различные технические колледжи занимаются преимущественно трансляцией знаний. Такие школы играют решающую роль в процессе индустриализации, причем речь идет не только о собственно промышленности, но и о сельском хозяйстве, здравоохранении, коммерции, банковском деле, строительстве. Индустриализация предполагает перенос передовых методов организации производства во все сферы экономики, и здесь роль училищ нельзя недооценивать. Кроме того, они выполняют и роль первичного социального фильтра: человек с начальным образованием, не получивший дополнительной подготовки, технических навыков, не может рассчитывать на сколько-нибудь значимый статус в социальной иерархии модернизирующегося общества.

При этом университеты сохраняют свою монополию на производство нового знания. Даже те технологии, которые «рождаются снизу», в результате инициативы заводских изобретателей и частных предпринимателей, получают общественное признание только тогда, когда они, после обсуждения в университетах, включаются в соответствующие учебные курсы и получают необходимое теоретическое истолкование.

В эпоху модерна университеты становятся еще и центрами символической власти. Если в классическую эпоху таковая принадлежала, главным образом, церкви, то теперь, когда обществом овладевает идея Прогресса, непосредственно связанного с научно-техническим знанием, университеты приобретают значение социального фильтра. Именно здесь проходит подготовку большинство представителей политической, экономической, научной, культурной элиты. Сами профессора нередко прерывают свою академическую карьеру для того, чтобы занять высокие места в правительстве или бизнесе.

Неудивительно, что в этих условиях роль ритуалов не только сохраняется, но и увеличивается. Всеобщее образование, доступность библиотек, появление демократического покрова одежды, многое другое, связанное с ростом социальной мобильности, – все это требует сохранения и роста барьеров, позволяющих идентифицировать коллег-ученых. Т. Веблен подчеркивал наличие атавизма университетских ритуалов – мантия, необходимость знания мертвых языков рассматривались им как своеобразное наследие «жречества» в высшем образовании (Веблен, 1984. С. 334). На наш взгляд, эти ритуалы в эпоху модерна были важным фактором, способствующим сохранению стандартов корпоративной этики. В отличие от классической эпохи школы и университеты приобретают в период модерна характер открытой организации, в этот период они несравнимо сильнее включены в политическую и хозяйственную жизнь. Как следствие, появляются и возможности нарушения стандартов научной дискуссии, объявления оппонента неправым не по содержательным, а по идеологическим, политическим основаниям.

Важнейшим отличием эпохи постмодерна является общее признание плюрализма реальности, что, в свою очередь, означает и изменения отношения к истине. Как указывает, например, У. Сэмюэлс: «Дать определение реальности – значит внести вклад в её реконструкцию. Определение реальности логически предполагает, что она существует, подобно тому как систематизация опыта означает, что таковой опыт существует...» (Сэмюэлс, 2015. С. 24). Если исследователь реконструирует реальность с помощью некоего способа описания (дискурс), то другой может получить иную реальность, используя отличный от предыдущего дискурс. Отсюда истина перестаёт быть богом, она становится социальным конструктом. Естественно, что «для поколения, которое было воспитано на эпистемологии позитивизма или логического эмпиризма, такая позиция как минимум некомфортна. Необходимо признать, что логический эмпиризм являлся идеологией науки. Его задача состояла в легитимации статуса науки и ученых, а также в том, чтобы скрыть от большинства людей пределы науки, свести к трюизмам серьезные эпистемологические проблемы и замаскировать тот факт, что сама научная практика тех, кто верил в достоверное знание,

не согласовывалась, да и не могла согласовываться, с предписаниями науки» (там же. С. 19). Отметим, что сам термин «эпистемологический» во многом связан с взглядами М. Фуко, предполагавшим наличие различных эпистем в те или иные периоды. При этом менялась и интерпретация социальных феноменов (например, безумия) в различные исторические эпохи (Фуко, 2010).

Переход к всеобщему среднему образованию, массовому высшему образованию в последней трети XX в. – другой важный фактор изменения концепта университета в эпоху постмодерна. Традиционный взгляд на университет как на место, где хранятся и транслируются знания, формально никем не оспаривается. Но поскольку теперь таких мест становится много, а новое знание (истина) по сути ничем не отличается от других товаров и услуг, реализуемых на рынке, и приравнивается к обычной полезной продаваемой и покупаемой информации, старый концепт отступает на второй план. Главной становится функция университета по предоставлению населению качественных образовательных услуг (или, если использовать немного другой дискурс – по производству нового человеческого капитала). Качество определяется репутацией, а последняя связана с престижем и рейтингами. Поскольку образование, как и здравоохранение – квазиобщественное благо, оно может предоставляться как в централизованном (за счет государственного бюджета), так и в частном порядке, когда покупатель выбирает то, что ему нужно, на рынке образовательных услуг.

Университеты и ученые теряют прежнюю монополию на истину, теперь они конкурируют с *экспертами*¹, которые также получают право на оспаривание. Научные споры перемещаются из вузовских и институтских аудиторий в СМИ. Сами фундаментальные исследования, «поиск истины» также становятся лишь звеном в инновационной цепочке, вопрос об истинности открытия отходит на задний план, главным становится «значимость», предопределяющая дальнейшую «эффективность» НИОКР. Эти принципы становятся главными и в конкурсах научных работ. Распространение практики грантового финансирования предполагает, что во время конкурса различные виды производства нового знания конкурируют между собой, а конкурсная комиссия обоснованно решает, какое из этих знаний более необходимо обществу.

Плюрализм реальности ведет к тому, что «истиной» и «знанием» – прежде всего в гуманитарных, но также и в прикладных, технических, медицинских науках – становится то, что считает таковым референтная группа тех или иных ученых. Ученые меньше ориентируются на своих коллег, нежели на общественное мнение, тех или иных «заказчиков» исследований². Их прежняя символическая власть размывается – им могут оппонировать как коллеги-конкуренты из смежных областей, так и разного рода эксперты. В естественных науках – это люди «практики», бизнеса, в общественных науках, таких как социология, поли-

¹ «...в последние десятилетия эксперт стал чем-то значительно большим, а именно одним из **субъектов системы публичного воспроизводства власти** (выделено автором.– П.О.). Власть эксперта особого рода – она основана на потребности государственного аппарата в профессиональном знании, и это способствовало превращению эксперта во влиятельную фигуру в отношении политического пространства и, в частности, в сфере экономической политики государства. Теперь эксперты не только готовят решения для нужд государственного аппарата, но и легитимируют их в публичном пространстве, оказывая таким образом воздействие на «общественное мнение» и «помогая» ему принять эти решения и оценки как должные» (Кошовец, 2008. С. 210).

² «Мысль о том, что люди действуют в рамках социальных стандартов, выработанных теми группами, частью которых они являются, несомненно, возникла еще в древности и, вероятно, вполне разумна. Если бы только это составляло предмет теории референтных групп, то она представляла бы собой просто новый термин для обозначения старой сферы интересов социологии, которая всегда концентрировала своё внимание на групповой детерминации поведения. Однако фактом является и то, что люди, формируя своё поведение и оценки, часто ориентируются на *иные группы, чем их собственная* (курсив автора. – П.О.), и именно проблемы, связанные с этим фактом ориентации людей на группы, членами которых они не являются, имеют прямое отношение к теории референтных групп» (Мертон, 2006. С. 429, см. также: Ореховский, 2015. С. 5–23)).

тология, экономика, – кто угодно, располагающий достаточным публичити, репутационным капиталом: спортсмен, актер, общественный деятель, популярный певец или музыкант.

Таким образом, в эпоху постмодерна университеты приобретают некоторые черты коммерческих фирм – они продают образовательные услуги и исследования, максимизируют денежный поток. Но, кроме этого, они заимствуют и особенности шоу-бизнеса, театра: чтобы привлечь студентов и слушателей, повышающих квалификацию, в них должны читать лекции научные «звезды», «на гастролях» время от времени должны выступать заезжие знаменитости. Все это повышает ценность продаваемых дипломов, свидетельствующих о том, что их обладатели провели время в популярном месте, но уже не гарантирует ни востребованности квалификации, указанной в дипломе, как в эпоху модерна, ни, тем более, что выпускник способен на самостоятельные поиски истины, как в классическую эпоху. Как печально замечает Гай Стэндинг: «Стоимость обучения в вузе растет быстрее, чем доходы, особенно в США. В этой стране с 1970 по 2010 год, когда средний показатель доходов на семью вырос в 6,5 раза, стоимость обучения в частном колледже выросла в 13 раз, а стоимость обучения в колледже, финансируемом из бюджета штата, – в 15 раз для жителей штата и в 24 раза для студентов из других штатов. Соотношение цена – качество тоже изменилось к худшему. В 1961 году студенты дневного отделения в колледже с четырёхлетним сроком обучения посещали занятия в среднем 24 часа в неделю, а в 2010 г. – всего 14 часов. Высок процент отчислений и академических отпусков: только 40 процентов студентов завершают образование за четыре года. И профессура, и студенты берут временную подработку... Старший преподавательский состав университетов «Лиги плюща», несильно перегруженный лекциями, теперь берёт творческий отпуск раз в три года, обычно это было раз в семь лет...

...Товаризация образования – социальный недуг. За все нужно платить. Если образование продается как товар, пригодный для капиталовложений, если предлагается несчетное количество дипломов и сертификатов, но они не окупаются..., то еще больше обиженных и озлобленных присоединится к прекариату... Как говорится в старом советском анекдоте: «Они делают вид, что платят, мы делаем вид, что работаем». Вариант с образованием будет следующий: «Они делают вид, что обучают нас, мы делаем вид, что учимся». Инфантилизация мозгов – часть этого процесса, но не для верхушки общества, а для широких масс. Учебные курсы становятся проще, так что экзаменационные оценки можно и завесить. Профессора могут не беспокоиться» (Стэндинг, 2014. С. 129–131).

Подводя итог, сведем выделенные различия между концептами университета и, соответственно, факторы, определяющие поведение научных работников в разные эпохи, в таблицу (см. табл. 1).

Таблица 1
Социальные нормы образования и науки в разные эпохи

Характеристики исследователей	Классика	Модерн	Постмодерн
Доминирующий тип научного работника	Священник, «алхимик», ученый	Профессор	Эксперт, практик, «знающий жизнь»
Референтные группы	Коллеги	Коллеги, политики, бизнес	Мировая наука, медиа, бизнес
Признаки успеха	Цитируемость в профессиональной среде	Объем ресурсов, переданных в распоряжение работника	Статусная научно-образовательная позиция, общественная известность
Успешные нарушители норм, антигерои	И. Ньютон	Т. Лысенко, Э. Теллер	М. Цукерберг

2. Концепты вуза и НИИ в СССР и России. Постсоветские реформы образования и науки

Российская история науки и образования имеет существенные отличия от аналогичной других европейских стран. Университеты здесь появляются достаточно поздно, и они слабо связаны с церковью. Эти организации сразу же являются модернистскими – собственно, их модель и заимствуется с Запада, к работе в них приглашаются западные (в первую очередь, немецкие) ученые. Целью создания университетов является преодоление научно-технического разрыва между Россией и Европой, возникшего вследствие запоздавшего начала российского модерна. Эта же цель преследовалась и при создании Российской академии наук, которая по факту тогда являлась единственным отечественным научно-исследовательским учреждением.

Появление СССР – полностью западный модернизационный проект, марксизм, который был официальной идеологией большевиков, является одним из направлений (возможно, тупиковым) философии и идеологии либерализма. В рамках этого проекта форсированно создаются школы, ремесленные и фабрично-заводские училища, строятся заводы. Ныне это игнорируется многими отечественными исследователями, которые вслед за К. Виттфогелем рассматривают сталинский СССР как рабовладельческий строй, «гидравлическое общество», где власть и собственность неразделимы (см., например: *Кордонский, 2007; Бессонова, 2006; Плискевич, 2006. С. 62–113; Нуреев, 2011*). Но рабовладельцы, как и крепостники, не нуждались в поголовно грамотных рабах, это было бы опасным излишеством, разрушающим основы такого общественного устройства.

Догоняющая модернизация сталкивалась с дефицитом высокообразованных кадров. Поэтому организация советского образования и науки имела существенные особенности. Советские вузы – университеты и институты – были практически полностью сосредоточены на трансляции знания, расширенной подготовке специалистов. НИОКР же велась в немногочисленных научно-исследовательских институтах, входивших в систему АН СССР, которая стала существенно расширяться по сравнению с дореволюционным временем. Специализация позволяла экономить кадры.

Следует отметить, что такое разделение производства и трансляции знания было в то время общим «индустриальным» подходом. Аналогично в здравоохранении была внедрена система Н. Семашко, где разработкой новых методов лечения занимались специализированные клиники и НИИ, в то время как медицинские вузы и училища «транслировали знания» – выпускали врачей, фельдшеров и медсестер. Лаборатории и конструкторские бюро зачастую отсутствовали и на многих советских заводах – они создавались при трестах, главках, наркоматах, впоследствии становясь отраслевыми НИИ или КБ. И такой подход, если судить по росту производительности труда, скорости внедрения инноваций, уровню советских фундаментальных исследований, был тогда вполне оправдан.

По большому счету, СССР догнал страны Запада в шестидесятые годы XX в. – структуры обеих социально-экономических систем в это время становятся наиболее близкими. Но именно тогда же западный мир вступает в эпоху постмодерна. И в СССР признаки постмодерна проявляются в это же время. Принципиальным моментом здесь является зафиксированный Д. Беллом переход к постиндустриальному обществу; экономике, основанной на знаниях (*Белл, 1999*). Он предполагает целый ряд сдвигов в культуре, идеологии, организации науки и образования. И в СССР, как и на Западе, появляется целый ряд различных культурных направлений, не вписывающихся в советский вариант «прогрессизма», известного как социалистический реализм. Однако, в отличие от Запада, по идеологическим причинам эти направления не получают должного развития.

История появления и развития советских вариантов постмодерна в литературе, кино и изобразительном искусстве сложна и очень интересна, но это выходит далеко за

рамки темы нашей работы. В отношении же концептов науки и образования, также испытывающих на себе влияние постмодерна, следует отметить, что, начиная с определенного момента, сфера советской науки и образования начинает отставать по уровню оплаты труда от промышленности. Это – важный критерий, так как именно эта сфера была ключевой уже при осуществлении советской модернизации, а в постиндустриальном обществе, где удельный вес промышленности сокращается, производство НИОКР наряду с другими отраслями «пятеричного сектора», по Д. Беллу, становится главным.

В СССР уровень заработной платы представлял, в первую очередь, социальную оценку важности, приоритетности тех или иных профессий для общества. Конечно, уровень оплаты был связан и с редкостью, и с производительностью труда, но эти связи были косвенными, «серыми», полулегальными. Занятость и оплата регулировалась преимущественно с помощью административных методов, роль Госкомтруда и Госплана в этих процессах нельзя недооценивать (см. табл. 2).

Оплата труда преподавателей вузов и техникумов включалась уже в «науку», а в сфере народного образования учитывалась только заработная плата работников начальных и средних школ, что несколько искажает данные. Легко заметить, что между 1960 и 1970 гг. уровень оплаты в промышленности и науке резко сближаются, а к 1980 г. наступает перелом – промышленность выходит по оплате труда на первое место среди отраслей народного хозяйства (см. табл. 2).

Модернистский дискурс о необходимости ускорения, важности научно-технического прогресса, социальной перестройки продолжает доминировать вплоть до самого распада СССР. При этом в организации науки и высшего образования ничего не меняется – вузы продолжают плодить все новых и новых инженеров (см. табл. 3), научные учреждения – увеличивать количество исследований и публикаций. В 1986 г. численность научных работников СССР превысила 1,5 млн человек (включая научных работников вузов), половина из которых была занята в сфере технических наук (Народное хозяйство..., 1988. С. 390–391). С 1950 г. общая численность ученых в СССР выросла почти в 10 раз.

С распадом СССР в России наступает эпоха постмодерна. В начале 90-х гг. университеты на какое-то время прекращают выполнять свою роль социального фильтра, что связано с трансформационным спадом. Снижаются и доходы населения, что также влияет на удельный вес молодых людей, желающих получить высшее образование. Однако ситуация со стороны спроса быстро меняется – уже во второй половине 90-х гг. диплом о высшем образовании становится востребованным, частный бизнес дорастает до средних и крупных размеров, возникают соответствующие иерархические структуры, появляются свои кадровые службы. Радикально меняется и организация высшего образования: здесь важнейшими институциональными новациями становится разрешение государственным вузам принимать так называемых платных (коммерческих) студентов, а также возможность организовывать новые (частные) вузы. Фактически это означало появление рынка услуг высшего образования. Это и явилось основным звеном реформы образования. ЕГЭ и другие новации, касающиеся изменений в среднем образовании, стали уже следствием появления рынка образовательных услуг. Нелогичным было сохранять порядок, при котором каждый вуз устанавливал свои требования приема, свои критерии оценки знаний – фактически это был своеобразный вариант ценовой дискриминации первого рода на полнотью монополизированном рынке.

Условием начала советского модернизационного проекта был дефицит знаний и специалистов. Это предполагало подготовку и последующее распределение кадров в соответствии с общественными приоритетами. Возможность «избытка промышленности», как и избытка высшего образования, дискурс модерна исключал в принципе.

В 90-е гг. произошло обвальное сокращение рабочих мест в промышленности. Возник избыток инженеров, которых по-прежнему продолжала (и продолжает) готовить

Таблица 2

Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства СССР (руб.)

Отрасли	1940	1960	1970	1980	1985
Народное хозяйство в среднем	33,1	80,6	122,0	168,9	190,1
Промышленность	34,1	91,6	133,3	185,4	210,6
Сельское хозяйство	23,3	53,8	100,9	149,2	182,1
Наука	47,1	110,7	139,5	179,5	202,4
Народное образование	33,1	72,3	108,1	135,9	150,0
Кредитование и государственное страхование	33,4	70,7	111,4	162,2	180,9
Аппарат органов государственного и хозяйственного управления, органов управления кооперативных и общественных организаций	39,0	86,4	124,4	159,6	168,8

Источник: (Народное хозяйство СССР в 1987 г., 1988. С. 390–391).

Таблица 3

Приём в высшие учебные заведения по отраслевым группам учебных заведений (тыс. человек)

Показатели	1940	1960	1970	1980	1985
Принято студентов в высшие учебные заведения, в том числе:	263,4	593,3	901,5	1 051,9	1 104,0
промышленности и строительства	45,4	225,4	367,9	421,8	437,0
транспорта и связи	8,3	34,1	48,1	56,9	59,1
сельского хозяйства	11,9	62,7	85,0	103,2	110,1
экономики и права	13,6	43,9	72,6	80,1	81,0
здравоохранения, физической культуры и спорта	23,0	36,8	50,5	69,3	69,7
просвещения	159,0	185,1	269,0	310,7	337,2
искусства и кинематографии	2,2	5,3	8,4	9,9	9,9

Источник: (Народное хозяйство СССР в 1987 г., 1988. С. 505).

Таблица 4

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности (руб.)

Виды экономической деятельности	2000	2010	2015
Вся экономика	2 223	20 952	34 030
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	985	10 668	19 721
Обрабатывающие производства	2 365	19 078	31 910
Финансовая деятельность	5 232	50 120	70 088
Научные исследования и разработки	2 701	32 157	58 475
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	2 712	25 121	41 916
Образование	1 240	14 075	26 928
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1 333	15 724	28 179

Источник: (Российский статистический ежегодник, 2016. С. 144).

российская система образования. Но плановое распределение выпускников потеряло свое прежнее значение. К тому же, в связи с распространением платного высшего образования, появилась возможность «заказа» специалистов со стороны фирм. В результате российские вузы, как и западные, приобретают черты коммерческих предприятий, шоу-бизнеса и т.д. Введение ФГОСов, как и ЕГЭ, призвано гарантировать минимальные стандарты качества, упорядочить конкуренцию, а заодно резко поднять «барьеры входа» для частных вузов. Ликвидация и закрытие последних способствует упорядочиванию раздела рынка образовательных услуг, фактически здесь создается легальный картель.

Приведенные в табл. 4 данные свидетельствуют о существенных структурных сдвигах, которые произошли в российской экономике. Большую роль приобрела финансовая деятельность, которая является одной из наиболее высокооплачиваемых. То же самое можно сказать и об оплате труда в сфере государственного управления. Существенно повысился – по сравнению со средней по экономике – уровень оплаты в сфере НИОКР. Данные по сфере образования включают в себя средний уровень оплаты труда в школах и вузах, что не совсем корректно. Тем не менее эти данные демонстрируют определенное отставание даже по сравнению с уровнем оплаты труда в обрабатывающей промышленности.

Постсоветская Россия существенно повысила свой образовательный уровень. Так, только в государственных и муниципальных вузах, не включая частные, на начало учебного 2012 г. (сентябрь) числилось 6 075,4 тыс. студентов, из них 3 737,4 тыс. – по договорам об оказании платных образовательных услуг. В 2015 г. (сентябрь) всего в государственных и муниципальных вузах – 4 061,4 тыс. студентов, из которых 2 137,9 тыс. – на платной основе (Российский статистический ежегодник, 2016. С. 209). В то же время в 2015 г. в возрастной категории от 15 до 19 лет было 6 731 тыс. человек, а в возрастной категории 20–24 года – 8 445 тыс. человек (там же. С. 74). Если прибегнуть к процедуре усреднения, то можно, с некоторым допуском, предположить, что в возрасте 17–22 лет в 2015 г. в России было порядка 7 588 тыс. человек. Это означает, что только в государственных и муниципальных вузах в России в 2015 г. училось почти 54% молодежи, и каждый год выпускалось более 1 млн дипломированных специалистов. Для сравнения: в США немногим более 30% от возрастной когорты 20–24 года поступали (учились) в колледже (Кинг, 2016. С. 39).

Рыночные критерии оценки предполагают важность «мировой конкурентоспособности». Российские вузы участвуют в международной конкуренции, как и российские ученые. Россия присоединяется к международным наукометрическим базам, рассчитываются индексы Хирша на основе Web of Science и Scopus, создается и отечественная версия рейтинга – РИНЦ (Российский индекс научного цитирования). Преподаватели вузов достаточно быстро осознают важность соавторства и взаимного цитирования для достижения необходимого уровня отчетных показателей. Однако бывшие отраслевые НИИ (государственные научные центры) и институты РАН вписываются в эту систему рейтингов со скрипом – западный опыт в целом предполагает существование лабораторий и научных отделов либо в рамках корпораций, либо университетов, самостоятельные НИИ, финансируемые из госбюджета, встречаются там достаточно редко. С распадом СССР многие российские НИИ потеряли заказчиков. Инвестирование в сферу НИОКР связано с большими рисками, принять их на себя зачастую не готов ни российский финансовый сектор, ни крупный бизнес. В результате численность научных работников в постсоветской России имеет тенденцию к сокращению, несмотря на относительно высокий уровень заработной платы (см. табл. 5).

Следует отметить, что сокращение исследователей наблюдается прежде всего в естественных и технических науках – в общественных и гуманитарных численность ученых растет. По-видимому, это тоже является своеобразным мировым трендом.

Таблица 5

Численность персонала, занятого исследованиями и разработками (человек)

Показатели	2000	2010	2015
Численность персонала – всего	887 729	736 540	738 857
В том числе:			
исследователи	425 954	368 915	379 411
техники	75 184	59 276	62 805
вспомогательный персонал	240 506	183 713	174 056
прочий персонал	146 085	124 636	122 585

Источник: (Российский статистический ежегодник, 2016. С. 505).

Заключение: разнотой дискурсов, этические императивы и право российских ученых на оспаривание

Плюрализм реальности вызывает разнотой дискурсов. В отношении образования экономисты, а вслед за ними и представители других общественных наук, используют концепт человеческого капитала. Предполагается, что молодые люди инвестируют в образование, создавая свой личный, неотделимый от индивида, человеческий капитал, который в дальнейшем приносит им доход более высокий по сравнению с теми, кто в свое время не сделал такую инвестицию. Университеты в таком случае являются своеобразными «производителями капитала», в чем-то сходными с заводами, производящими станки и оборудование, или банками, обеспечивающими процесс трансформации сбережений в инвестиции.

Эта метафора была вполне приемлема для периода модерна. Однако в условиях постмодерна, когда выпускники университетов не могут найти работу по специальности, не могут расплатиться по кредиту за образование, вынуждены постоянно пере- или доучиваться, этот концепт постепенно перестает быть доминирующим. «Товаризация образования», о которой говорит Г. Стэндинг, использует другой концепт, а именно – образовательная услуга вместо человеческого капитала. Специфика услуги вообще – в том, что она потребляется в момент производства, она не может храниться, накапливаться. Молодой человек или его родители являются потребителями образовательных услуг, получая удовлетворение в процессе потребления знаний, а университет становится в один ряд с фитнесом или парикмахерской. Но услуги салона красоты – это «вебленовский товар», потребление которого связано с демонстрацией своего социального статуса. Это – роскошь, повышение цены на такую услугу может привести к росту спроса на нее, в то время как снижение может вызвать обвал спроса вместо его увеличения. Соответственно, объем производства и качество образовательных услуг университетов слабо связаны с их ценой, намного важнее здесь репутация заведения. Студенты платят не за знания, а за возможность оказаться среди статусных соучеников, которым преподают предмет профессора с высоким индексом Хирша.

Естественно, что такая метаморфоза сказывается и на этических императивах ученых и преподавателей.

Классический императив: ученый ищет истину; те, кто занимается наукой ради денежной выгоды или говорит ученикам то, что «не соответствует реальности», – подлецы и проходимцы. Здесь действует ответственность отдельного человека перед Истиной: «Ученый должен...».

Императив модерна: наука – это «производительная сила», двигатель прогресса и экономического роста. Ученый, интеллигент – «соль земли», если государство, заинте-

ресованное в прогрессе и богатстве, не вознаграждает труд исследователя в соответствии с его ожиданиями, он либо плохой ученый, либо нужно найти страну, где его оценят. «Бедный ученый» – это или шарлатан или юродивый. Здесь уже: «Государство должно...».

Императив постмодерна: истина, как и реальность, зависит от угла зрения на действительность. Что такое «государство»? Кто такой «ученый»? «Никто никому ничего не должен...», клиент заказывает услугу или исследование, а мы его обучаем или «производим НИОКР». Репутация ученого в широком смысле, обуславливающая цену его услуг, – популярность, цитируемость. Отсюда – совсем другой императив, ставший уже научным фольклором: «публикуйся, или умри».

Эпоха постмодерна причудливо меняет российскую интеллигенцию – сложный социальный феномен, вызванный столкновением «модернизации сверху» с «крепостничеством внизу». Этот феномен не является чем-то уникальным, и он характерен для многих стран, переживавших эпоху «догоняющей модернизации». Для ученых из этих стран по вполне очевидным причинам модерн переживается как «вестернизация». Сюжет экономического отставания своих стран означает для них наличие незаконченной, провалившейся модернизации. Успеха можно добиться, перенося на родную почву лучшие образцы «мировой» (т.е. западной) науки и лучших западных университетов.

Наличие «мировой науки» и западных коллег в качестве важной референтной группы, по сути, лишает ученых из развивающихся стран права на оспаривание. Истинным является лишь то, что признано «мировой общественностью». Однако таковой, как и мировой науки, в эпоху постмодерна попросту не существует – те же лауреаты Нобелевской премии по экономике, как показывает опыт, могут придерживаться прямо противоположных точек зрения на предмет, да еще и описывать его в разных дискурсах. Поэтому в среде отечественных ученых крайне редко возникают не только плодотворные, но и вообще какие бы то ни было дискуссии. Внешне отсутствие таких дискуссий выглядит как некий парадокс. Напротив, критика отечественного правительства с позиций «мировой науки» и «общечеловеческих ценностей» ведется регулярно и приносит ее инициаторам желаемое публицити.

Важным дополнительным фактором является материальная основа существования российской науки и образования. Как показывает Р. Коллинз, в эпоху модерна основным источником средств для занятий наукой был патронаж, к которому впоследствии добавилась литературно-издательская деятельность³. В условиях постмодерна такой патронаж сохраняется только по отношению исследований, имеющих очевидное значение для оборо-

³ «Главной материальной основой для интеллектуального творчества был патронаж. Сюда можно включить также «самопатронаж» таких философов, как Декарт или Бэкон, достаточно богатых для поддержки собственной писательской деятельности, или как Спиноза, представлявшего версию того же самого «самопатронажа», но в среде бережливого мещанства. Наиболее типичной была личная зависимость от аристократии... После 1690 или 1700 г. произошел некий сдвиг в сторону коллективных форм патронажа. Лейбниц, интеллектуальный и организационный антрепренер *par excellence* распространил по центральной Европе организационную форму, названную академией, в которой князь устанавливал доход группе интеллектуалов, таким образом обеспечивая определенную меру автономии и непрерывности их деятельности...

Это не означает, что академических должностей не было. Но в университетах жалование и престиж были низкие, сковывало давление религиозной ортодоксии... Во Франции Сорбонна являлась бастионом богословской ортодоксии, тогда как провинциальные университеты представляли собой просто местечки с несколькими студентами, где можно было быстро и дешево купить степень.

Если и существовала альтернатива патронажной системе в течение 1700-х гг., то она явилась интеллектуалам того времени в виде рынка книг и журналов. В течение 1770-х гг. в Германии издательский рынок быстро расширялся, а литературный период *Sturm und Drang* породил рынок сенсационной рекламы, что сопровождалось расцветом рынка, ориентированного на средний класс. К 1770 г. изданий на немецком языке стало в два раза больше, чем на латинском, – ситуация, прямо противоположная ситуации прошлого столетия, светская литература впервые превзошла по количеству публикаций религиозную» (Коллинз, 2002. С. 827–828).

носпособности страны. Что касается остальных, включается «риторика эффективности»: ученые должны устанавливать «прямые связи» с бизнесом, а также выполнять «социальный заказ общества». Однако бизнес, минимизируя риски, предпочитает покупать готовые разработки из-за рубежа, а запросы российского высокообразованного общества вполне удовлетворяются телевизионными и Интернет-экспертами. В этой ситуации поведение ученых, ориентированных на получение грантов и выполнение заказов преимущественно от западных фондов, следует признать вполне рациональным. Глобальная академическая мобильность дополняет такую реальность существования «мировой науки».

Тем не менее эпоха постмодерна постепенно вызывает реакцию в форме подъема неотрадиционализма и консерватизма, что, в свою очередь, предъявляет – пока весьма наивные – требования возврата к истине, гуманизму, образованию как источнику знаний и т.д. Однако трудно ожидать, что ученые из стран бывшего СССР, ориентированные на достижение «мирового уровня», смогут этим воспользоваться у себя на родине.

ЛИТЕРАТУРА

- Белл Д. (1999). Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia.
- Бессонова О.Э. (2006). Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН.
- Веблен Т. (1984). Теория праздного класса. М.: Прогресс.
- Гуревич А. (2014). Исторический синтез и Школа «Анналов». М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга.
- Кинг С. (2016). Когда заканчиваются деньги. Конец западного изобилия. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Кламер А. (2015). Странная наука экономика: приглашение к разговору. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара: Изд-во Международные отношения, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
- Коллинз Р. (2002). Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Кордонский С.Г. (2007). Ресурсное государство. М.: REGNUM.
- Кошовец О.Б. (2008). Эксперт и воспроизводство научного знания. В кн.: Экономика как искусство: методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях / Отв. ред. О.И. Ананьин. М.: Наука. С. 210–249.
- Мертон Р. (2006). Связи теории референтных групп и социальной структуры. В кн.: Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель. С. 428–561.
- Народное хозяйство СССР в 1987 г.: Стат. ежегодник (1988) / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика.
- Нуреев Р.М. (2011). Россия: особенности институционального развития. М.: Норма: ИНФРА-М.
- Ореховский П.А. (2015). Структура поля экономического знания: возможности и пределы общественных дискуссий // Общественные науки и современность. № 1. С. 5–23.
- Плискевич Н.М. (2006). «Власть–собственность» в современной России: происхождение и перспективы мутации // Мир России. №3. С. 62–113.
- Российский статистический ежегодник. (2016). Стат. сб. М.: Росстат.
- Стэндинг Г. (2014). Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Сэмюэлс У.Дж. (2015). «Истина» и «дискурс» в социальном конструировании экономической реальности: очерк об отношении знания к социально-экономической политике. В кн.: Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке / Редкол.: В.С. Автономов (гл. ред.), О.И. Ананьин (зам. гл. ред.), Д.В. Мельник (отв. секр.) и др. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 13–30.
- Фуко М. (2010). История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ.
- Фурман Д.Е. (2011). Сталин и мы с религиозно-этической точки зрения (Осмыслить культ Сталина). В кн.: Фурман Д.Е. Избранное. М.: Территория будущего. С. 262–297.

Ореховский Пётр Александрович
orekhovskypa@mail.ru

Petr Orekhovsky

doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences; professor of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
orekhovskypa@mail.ru

THE CONCEPTS OF «UNIVERSITY» IN THE VARIOUS DISCOURSES AND THE RUSSIAN REFORM OF EDUCATION

Abstract. This paper considers the semantic evolution of the concepts of the University, science and education in the classical era, periods of modern and postmodern. In the classical period the university was a storage place, receive and broadcast the verity; in the period of Modern – a factory for the production of human capital; in terms of postmodernism – an organization for the provision of educational services. Changing the discourse significantly affects the attitude of scientists towards colleagues, scientific and educational activities. The increase in the number of publications shows the growth of scientific output, but it is weakly associated with obtaining new knowledge (modern) or the desire for verity (classical era), it's just a metric scientist productivity.

Russian education reform follows the general logic of the postmodern and the formation of the education market. The share of people with higher education in the post-Soviet era has grown and is already higher than in the United States. But it is not related to the productivity of human capital, but merely reflects the degree of satisfaction of consumers of educational services by improving their social status.

The reforms of the organization of science, higher and secondary schools use the modernist concept of “efficiency”. However, training specialists who satisfy the needs of society implicitly assumes that these requests are known, and there is a certain consensus about the goals of the society. Also with respect to scientists – in the absence of domestic patronage, the orientation toward “world science” contributes only to global academic mobility. Symbolic capital, previously owned by scientists and university professors, goes to experts who have the necessary publicity.

Keywords: *discourse analysis, education, human capital, university.*

JEL Classification: A20, I20, I23, J24.

REFERENCES

- Bell D. (1999). *The Coming Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting.* M.: Academia.
- Bessonova O.E. (2006). *Distributing economy of Russia: evolution through transformation.* M.: ROSSPEN.
- Collins R. (2002). *Sociology of Philosophy. Global theory of intellectual change.* Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
- Foucault M. (2010). *History of Madness in the Classical Age.* M.: AST.
- Furman D.E. (2011). Stalin and we are from a religious point of view (To understand the cult of Stalin). In: *Furman D.E. Selected.* M.: Territoriya budushchego. Pp. 262–297.
- Gurevich A. (2014). *Historical synthesis and School «Annals».* M.; SPb.: Center for Humanitarian Initiatives, University Book.
- King S. (2013). *When the Money Runs Out. The End of Western Affluence.* New Haven: Yale University Press; M.: Izd-vo Instituta Gaydara, 2016.
- Klamer A. (2007). *Speaking of Economics. How to get in the conversation.* London, New York: Routledge; M.: Izd-vo Instituta Gaydara: Izd-vo Mezhdunarodnyye otnosheniya, Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU, 2015.
- Kordonsky S.G. (2007). *Resource state.* M.: REGNUM.
- Koshovets O.B. (2008). Expert and reproduction of scientific knowledge. In: *Economics as art: methodological issues of the application of economic theory in applied socio-economic studies / Resp. ed. Ananin O.I.* M.: Nauka. Pp. 210–249.
- Merton R. (2006). Communication theory of reference groups and social structure. In: *Merton R. (2006). Social Theory And Social Structure.* M.: AST. Pp. 428–561.
- Nureev R.M. (2011). *Russia: features of institutional development.* M.: Norma: INFRA-M.
- Orekhovsky P.A. (2015). Structure of the field of economic knowledge: the possibilities and limits of public discussions // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost.* No. 1. Pp. 5–23.
- Pliskevich N.M. (2006). «The power – property» in modern Russia: origin and prospects of a mutation // *Mir Rossii.* No. 3. Pp. 62–113.
- Russian Statistical Yearbook. (2016). *Stat.sb.* M.: Rosstat..
- Samuels W.J. «Truth» and «Discourse» in the Social Construction of Economic Reality: An Essay on the Relation of the Knowledge to Socioeconomic Policy. In: *The Beginnings: Qualitative changes in the economic reality and economic science / Editorial Team: V.S. Avtonomov (Chief Editor), O.I. Ananyin (Deputy Chief Editor), D.V. Melnik (Executive Secretary), and others.* M.: Publishing House Higher School of Economics. Pp. 13–30.
- Standing G. (2011). *The Precariat. The New Dangerous Class.* London, Bloomsbury: M.: Ad Marginem Press, 2014.
- The National Economy of the USSR in 1987: *Stat. yearbook (1988) / State Statistics Committee of the USSR.* M.: Finance and statistics.
- Veblen T. (1984). *The Theory of the Leisure Class.* M.: Progress.